

ФЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ВОЛКОВЪ,

ИЛИ

ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ РУССКАГО ТЕАТРА.

АНЕКДОТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочиненіе князя А. А. Шаховскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

Федоръ Григорьевичъ Волковъ. *Мочаловъ.*
Гаврило } *Хотяницевъ.*
 } братья его:
Григорій } *Териховъ.*
Иванъ Трофимовичъ Полушкинъ,
кожевенный фабрикантъ, пот-
чимъ Волковыхъ *Толчиновъ.*
Марфа Романовна, жена его, мать
Волковыхъ *Елсова.*
Иванъ Аванасьевиичъ Дмитрев-
скій, очень молодой семина-
ристъ *Марсель.*
Алексей Поповъ, родственникъ
Волковыхъ, потомъ извѣстный
актеръ *Григорьевъ 1.*
Михайло Поповъ, семинаристъ,
потомъ актеръ и сочинитель. . . *Дюръ.*
Михайло Чулковъ, то же. *Сосновскій.*

Ваня Соколовъ, мальчикъ, род-
ственникъ Дмитревскаго, по-
томъ актеръ и сочинитель. . . . *Петрищевъ.*
Фаддей Михеевичъ Михеевъ, съ
приписью подъячій, стряпчій
и кумъ Волковой. *Величкинъ.*
Груша, питомица и крестница
Михеева. *Шелихова 2.*
Корнило Борисовичъ, Ярослав-
скій голова, двоюродный братъ
Волковой. *Байковъ.*
Юганъ Крафъ, Пьемцкій ма-
стеръ на фабрику Полушкина. *Рославскій.*
Сосѣди Полушкина.
Пѣвчіе, музыканты, гребцы, мѣщане, пицалъ братія.
ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ПАСТОРАЛИ:
Евмонъ (Дмитревскій) *Марсель.*
Береа (Груша) *Шелихова 2.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляет задній дворъ Полушкина на берегу Волги; на правой сторонѣ, въ третьей кулисѣ, кожевенный сарай: половина его на сценѣ, другая въ кулисахъ; широкія ворота прямо на сцену; у сарая стоитъ пустая телега; скамейки, маленькіе стулья деревянные и болванъ, на которомъ направляютъ парики; на лѣвой сторонѣ заборъ; подлѣ забора отдѣльно кушетъ и чанъ или обрѣзъ, довольно-большой. На берегу лодка; впереди сцены гусли; на лѣвой сторонѣ, въ глубинѣ театра, амбаръ между кулисъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Федоръ Волковъ, сидитъ на правой сторонѣ за гусли; Григорій стоитъ подлѣ него со скрипкой; Ваня Дмитревскій подлѣ Волкова держитъ въ рукахъ ноты; Ал. Поповъ на крышѣ сарая привязываетъ веревки; М. Поповъ сидитъ подлѣ маленькаго верстака и пишетъ; М. Чулковъ исправляетъ съдой парикъ и расчесываетъ бороды; Гав. Волковъ дописываетъ посреди сцены кулису; нѣсколько мальчиковъ помогаютъ Гаврилу Волкову

и Алексію Попову на крышѣ; мужики выносятъ изъ сарая кожи и нагружаютъ въ лодку, которая стоитъ у берега.

ХОРЪ ПОСЛѢДНІХЪ ТОВАРЬ.

Товаръ послѣдній подавайте,
Грузите въ лодку поскорѣй.

А. поповъ и мальчики, на крышѣ.

Живѣй веревки привязывайте!

всѣ.

Ну, братцы, разомъ всѣ, дружный!

чулковъ.

Съдая борода поспѣла.

гаврило.

Эй, краску подавай живѣй.

всѣ.

Остался немного дѣла;

Ну, братцы, разомъ всѣ, дружный!

Федоръ Волковъ.

Да перестаньте кричать, не мѣшайте Вапѣ допѣть послѣдній куплетъ имениннику.

всѣ.

Тише, тише!

Ф. Волковъ.

Ну, Вапѣ, пой; а ты братъ, Гриша, аккомпанируй вѣрнѣй.

Гр. Волковъ.

Постараюсь, братецъ.

Ваня Дмитръ.

Извольте, Федоръ Григорьевичъ; я начинаю.

О нашъ отецъ, и благодѣтель
 Несчастнымъ съ дѣтства сиротамъ!
 Тебѣ воздастъ всѣхъ благъ Содѣтель
 Достойно, но благимъ дѣламъ.
 Мы жъ дѣлъ великихъ представляемъ
 Словами, дѣйствіемъ, лицомъ,
 Тебѣ за еси благотворенья
 Въ давъ благодарности даемъ.

Ф. Волковъ.

Ну, другъ Ваня, кажется, что мой вочинъ будетъ доволенъ этими куплетами.

Дмитревскій.

А вы довольны ли мною?

Ф. Волковъ.

Очень! Повѣрь мнѣ, что ты будешь самымъ актеромъ.

Дмитревскій.

Нѣтъ, вы шутите.

С. Волковъ.

Ни мало: и не будь я Федоръ Волковъ, если
 Иванъ Дмитревскій не заставитъ о себѣ
 кричать не только нашъ Ярославъ, но и всю
 Россію.

Гав. Волковъ.

А мнѣ, братецъ, чтѣ ты предсказывашь?

Ф. Волковъ.

Что въ тебѣ будетъ большой толкъ на стариковъ.

Гр. Волковъ.

Да, братъ Гаврило такой степенный и про
 него всѣ говорятъ, что опъ, не бывши молодъ,
 состарѣлся; а вотъ мы съ Алексѣемъ Попо-
 вымъ и Мишей Чулковымъ не таковы.

Ф. Волковъ.

Да, васъ никто степенностью не клепаля;
 только и вы не ударите лицомъ себя въ
 грязь на русскомъ театрѣ, который сегодня
 же родится въ этомъ кожевенномъ сараѣ.
 Да скоро ли все будетъ готово?

А. Поповъ.

Я продѣваю послѣднюю веревку для нашихъ бумажныхъ облаковъ.

Гав. Волковъ.

Вотъ, братецъ, послѣдняя кулиса готова;
 несите ее въ сарай. *(Уноситъ.)*

Чулковъ.

Я славно расчесалъ всѣ борода и парики.

Гр. Волковъ.

А я ужъ сбѣгалъ къ помѣщику Майкову
 въ подгороднюю, и мнѣ велѣно явиться послѣ
 обѣда за музыкой и пѣвчими.

Ф. Волковъ.

А ты, Миша Поповъ, переписалъ ли мои стихи?

М. Поповъ.

Въ мигъ кончу; только, Федоръ Григорьевичъ,
 боюсь, что на меня разсердитесь.

Ф. Волковъ.

За чтѣ?

М. Поповъ.

Что я, не смѣя вамъ помѣшать, когда вы
 оканчивали вашу рѣзбу для нашего прихода,
 самъ собою переставилъ стихи и пере-
 мѣнилъ риемы: мнѣ показалось, что такъ луч-
 ше будетъ.

Ф. Волковъ.

Посмотримъ. *(Беретъ бумагу и смотритъ.)*

Чулковъ.

Ну чтѣ, Ваня, какова тебѣ показалась моя
 сказочка?

ДМИТРЕВСКІЙ.

Эй, ей, очень забавна!

ЧУЛКОВЪ.

Каково я въ ней пересмѣялъ всю приказную братью, здѣшняго соседа, съ принцессою подъячяго Михѣича?

ДМИТРЕВСКІЙ.

Ты ужъ настоящій пересмѣшникъ; но я боюсь, чтобъ проклятый Михѣичъ не подсмѣлся надъ нами.

ЧУЛКОВЪ.

Какъ?

ДМИТРЕВСКІЙ.

Да какъ не пустить къ намъ крестницы своей Груши, кто тогда будетъ играть въ пасторали Берену?

ЧУЛКОВЪ.

А какъ онъ не пустить? Она также крестница и Марѣи Романовны, матери Волковыхъ, и сегодня еще именины ихъ вотчина.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Оно и такъ; да онъ терпѣть не можетъ Федора Григорьевича, и боится, чтобъ питомица его не переняла у насъ...

ЧУЛКОВЪ.

Чертовщины, какъ онъ называетъ театр?

е. волковъ, перечтл пѣсколько разъ стихи.

Такъ, Михайло Ивановичъ, нечего дѣлать, а должно признаться, что ты славно поправилъ мои стихи. Ну, братъ, у тебя тутъ ума палата. *(Цалуетъ его въ лобъ.)*

м. поповъ.

Благодарствуй-те, Федоръ Григорьевичъ; но если моя голова не совсѣмъ пуста, то по вашей же милости.

е. волковъ.

Пѣтъ, по милости моего вотчина! Если я могъ обучить тебя и ихъ кой-чему, то все ему спасибо. — Послѣ покойнаго батюшки, и съ братьями остался безъ всякаго призора; по Иванъ Трофимовичъ, жельсь на матушкѣ, отдалъ меня одного — затѣмъ, что я одинъ былъ тогда на возрастъ — къ сосѣду Михѣичу учиться грамотѣ, а потомъ отплавилъ въ Петербургъ на контору къ Нѣмецкому купцу, съ которымъ онъ велъ торгъ. Тамъ-то

я обучился по-нѣмецки, и не много по-французски, — и хозяинъ мой, который любилъ меня, какъ сына, взялъ однажды въ нѣмецкій охотничій театръ. Ахъ, Миша! ты не можешь себя представить, что со мной сдѣлалось, какъ я въ первый разъ увидѣлъ театральное представленіе!.. Музыка, актеры, театръ, трагедія — все свело меня съ ума!.. Я не могъ цѣлую ночь сомкнуть глазъ, вставалъ съ постели, и воображал себя героемъ трагедіи, ходилъ важно, да вдругъ такъ закричалъ, что хозяйская кухарка, подумавъ, что кричатъ: «пожаръ!» подняла тревогу, разбудила весь домъ: хозяйка меня разбранила, а хозяинъ на другой день досталъ мнѣ билетъ въ придворный италіанскій театръ.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Вотъ тутъ-то вы, я думаю, увидѣли чудеса? Ахъ, какъ мнѣ досадно, что я еще ничего не видалъ!..

е. волковъ.

Подрости только, а то и ты увидишь и тебя увидятъ.

ЧУЛКОВЪ.

Да что жъ вы-то видѣли въ италіанскомъ театрѣ?

е. волковъ.

Я самъ не зналъ — на землѣ ли я былъ, или на небесахъ. Какая музыка! Какое пѣніе! Какія декорации, машины, платье!.. Только мнѣ было страхъ досадно, что я не понималъ словъ; — но человекъ, и особливо русскій, когда чего захочетъ хорошенько, вѣрно до того добьется, и я добился до знакомства съ италіанскимъ сѹффлѳромъ. За деньги, которые давалъ мнѣ мой хозяинъ и присылалъ вотчимъ, онъ меня выучилъ по-италіански, свелъ со всѣми своими товарищами, — и я перенялъ все, что можно было: узналъ музыку, ноты; понаторѣлъ въ рѣзбѣ и живописи, которыя уже я зналъ еще дома; принаровился къ театральной постройкѣ и машинамъ; снялъ съ нихъ рисунки; перевелъ нѣсколько піесъ; а совсѣмъ тѣмъ не упускалъ изъ рукъ своего дѣла, и хозяинъ мой ни разу не бранилъ меня за нерадѣніе.

(Поетъ или читаетъ.)

Кто сильно чувствуетъ и жаждетъ
Упитъся нектаромъ искусствъ;
Отъ лишняго труда не страдаетъ
И спленъ напряженьемъ чувствъ.

На все себя находить время,
Двойною жизнью живеть:
И, прочпмъ тягостное бремя,
Какъ легкое перо песеть.

дмитревскій, поеть.

Вотъ отъ чего, теперь я знаю,
Короткимъ время пахожу,
Какъ Ломоносова читаю,
Нль Сумарокова твержу.

хоръ.

Кто сильно чувствуетъ и жаждетъ
Упитъся нектаромъ искусствъ,
Отъ лишняго труда не страдаетъ
И спленъ напряженьемъ чувствъ!

е. полковъ.

Знаешь ли, Валя, что Сумароковъ-то чуть
меня не отправилъ въ сумасшедшій домъ?

дмитревскій.

Какъ это?

е. полковъ.

Опъ въ Кадетскомъ Корпусѣ обучилъ играть свои трагедіи. Я забѣгалъ туда за кулисы, — увидѣлъ Семиру, — слезы брызгали изъ глазъ моихъ, сердце кипѣло, грудь вздымалась, я задыхался отъ бѣшенства, когда Аскольдъ говорилъ: «Коль мечъ мнѣ въ грудь вознишь, паду передъ тобой, а прежде никогда»... И вдругъ, оттого, что кадетъ Бекетовъ, а не я, игралъ Аскольда, что у насъ въ Россіи пѣтъ еще русскаго театра, что мы еще равнодушны къ своему и восхищаемся только иностранцымъ, — мнѣ сдѣлалось такъ горько, такъ зло, что я ходилъ долго, какъ полуумный, — и рѣшился, хотя бы мнѣ это жизни стоило, въ стыдъ обѣимъ столицамъ, завезть у насъ въ Ярославль первый русскій театръ: и вотъ онъ!.. Да, въ этомъ кожевенномъ сараѣ и нынче же родится русскій театръ; я положилъ ужъ первый камень огромнаго зданія. Отправленный вотчимомъ въ другой разъ въ Петербургъ, я привезъ оттуда все, что на первый случай необходимо пужно для нашего дѣла, собралъ, обучилъ васъ, чему могъ, и если вы, друзья, родились актерами, если я успѣлъ

заронить въ сердца ваши хотя искру того священнаго огня, которымъ воспламеняются души художниковъ, то нашъ успѣхъ вѣренъ, — и то искусство, которое я перепялъ у Нѣмцевъ и Итальянцевъ, также, какъ и все, чему мы научаемся отъ другихъ, удивить нашихъ учителей. Вотъ что я хотѣлъ выразить этими стихами. (*Береть у М. Попова стихи и читаетъ*)

Народъ Россійскій перепичивъ;
Онъ смѣлнвъ, спленъ и смышлеть,
И все чужое увеличивъ,
Въ свое преобращаетъ онъ.
Потѣшная Петрова рота
Родила войска — страхъ прагонтъ,
И ботикъ маленькій Петровъ —
И отецъ безчисленнаго флота.

Сокровища всѣхъ царствъ природы,
Искусства, странъ великихъ честь,
Пришли чрезъ горы и чрезъ воды
Чтобъ въ мразахъ Сѣвера процвѣсть.
И то искусство, въ чемъ забаву
Вы видите теперь одну,
Съ собой въ великую страну
Приноситъ пользу, честь и славу.

Оно въ нособьяхъ не обильно;
Но пмъ, безъ красокъ и кистей,
Актеръ живописуетъ сильно
Портреты вѣрные людей.
Поэта вдохновень стихами,
Актеръ искусною игрой,
А больше пламенной душой,
Владѣтъ зрительскіи душами.

Чувствуете ли, постигаете ли вы это?

хоръ дѣствующихъ лицъ.

Все чувствуемъ и постигаемъ,
Художествъ пламенемъ горимъ, —
И нашей жизнью отвѣчаемъ,
Что мы тебя не осрамимъ.
И то искусство, въ чемъ забаву
Мы только видели одну,
Введя въ роскошную страну,
Получимъ пользу, честь и славу.

е. полковъ.

Славно, друзья, славно! Такъ, я теперь навѣрно думаю, что стихи мои, и ваши дарованія, подвѣствуютъ на зрителей.

чулковъ.

И я тоже думаю, да не навѣрно!

е. полковъ.

Отъ чего?

ЧУЛКОВЪ.

Мои я сказки всѣмъ читалъ,
Наслушался суждений всякихъ;
Однако жъ точно не слышалъ
И трехъ суждений одинакихъ.
Однихъ смѣшить, что не смѣшно,
Другихъ же не смѣшать смѣшное;
Такъ можемъ думать мы одно,
А наши зрители другое.

Хоть многое, я самъ видалъ,
Съ однимъ и согласится много;
Но онъ ужъ вѣрно всѣмъ сказалъ,
Что говорить по старымъ книгамъ.
Всѣмъ новое, какъ дикій зверь,
У всѣхъ о старомъ только слово:
А то, что старое теперь,
Когда нибудь да было жъ ново.

е. волковъ.

Да, большая часть людей говорятъ, дѣй-
ствуютъ и даже думаютъ по одной привычкѣ.

ЧУЛКОВЪ.

А къ театру-то у насъ не привыкли.

е. волковъ.

Пусть такъ; но нашъ добрый воевода
Мусниъ-Пушкиниъ и важный здѣсь помѣщикъ
Майковъ, очень одобряютъ наше предпріятіе
и помогаютъ намъ своими совѣтами и раз-
глашеніями; мой дядя, ярославскій голова,
по просьбѣ моей и матушки, также намъ съ-
руки, да и самъ вотчимъ мой грамотѣй и
не прочь отъ поваго: онъ завелъ здѣсь пе-
бывалую фабрику, выписалъ мастеровъ Нѣм-
цевъ, а когда я ему читалъ старинную пѣ-
су Эсвирь, которая была играна въ теремахъ
Царевны Софійи Алексѣевны, онъ восхищал-
ся, и потому-то я выбралъ ее для нашего
перваго представленія, а послѣ мы дадимъ
мой маленькій пастораль, Эвмонъ и Берѣа.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Ахъ, вотъ она!..

е. волковъ.

Кто?

ДМИТРЕВСКІЙ.

Сама Берѣа. Слава Богу; вотчимъ ее от-
пустилъ.

=

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ ЖЕ И ГРУША.

е. волковъ.

А, моя милая крестная сестрица, на-силу
мы тебя дождались!

ГРУША.

Ахъ, братецъ, и сама я рада,
Что къ вамъ сегодня урвалась,
И въ жизни мнѣ одна отрада
Чтобъ съ вами быть и слушать васъ!
Такая страстная охота
Къ театру родилась во мнѣ,
Что мнѣ, какъ смерть моя работа, —
За ней горю, какъ на огнѣ.

Какъ буду славно я одѣта
Въ пастушьемъ розовомъ вѣнкѣ,
Въ корсетѣ розоваго цвѣта,
Съ корзинкой розановъ въ рукѣ.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Ахъ, Грушишка, вы роза сами,
Царица милая цвѣтовъ.

ГР. волковъ.

Но бойся розъ: онъ съ шипами.

ГРУША.

Ахъ, нѣтъ, я, право, безъ шиповъ.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Такъ ее бояться нечего.

ГРУША.

Конечно нечего; только я сама боюсь...

ДМИТРЕВСКІЙ.

Чего, душа?

ГРУША.

Моего крестнаго отца и опекуна.

ЧУЛКОВЪ.

А развѣ у тебя есть какая тяжба?

ГРУША.

Нѣтъ, онъ кончилъ всѣ тяжбы моей по-
койной матушки, а послѣ смерти ея взялъ
меня какъ-то безъ тяжбы въ опеку и запре-
щаетъ мнѣ къ вамъ ходитъ.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Однако жъ ты пришла?

ГРУША.

Онъ только отпустилъ меня поздравить
Ивана Трофимовича съ именинами и велѣлъ, не
оглядываясь, тотчасъ бѣжать домой. Пожа-
лу-

ста, не задерживайте меня, начните пробу; а если онъ зайдетъ сюда, то все пропало: я и Берса.

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ ЖЕ И МАРГА.

МАРГА.

Что это, дѣти, вы тутъ проказите? мужъ давно вернулся отъ заутрени, а вы еще его и не поздравили: вѣдь онъ хоть и вотчимъ вамъ, а, право, стоитъ роднаго отца.

е. полковъ.

И мы, матушка, его любимъ, какъ роднаго отца, и для его же удовольствія приготавливали нашъ театръ.

МАРГА.

Ахъ вы затѣйники, затѣйники! Только я хоть и потакаю вашимъ затѣямъ, а у самой сердце вымерло.

е. полковъ.

Не бойтесь, матушка: я увѣренъ, что театръ ему понравится, — онъ человекъ умный.

МАРГА.

Эхъ, другъ мой! на всякаго мудреца много простоты: онъ слишкомъ слушаетъ рассказы кума Михѣича, а этотъ... Ну да Богъ съ нимъ!... тебя очень не жалуетъ и называетъ умникомъ.

е. полковъ.

Да развѣ это бранное слово?

МАРГА.

Но нашему нѣтъ, а по его — да; у всякаго свой толкъ, Федюшка: вотъ попробуй-ка кто тебя назвать воромъ, или плутомъ, такъ ты вѣрно осердишься; а какъ ему скажешь: ой, ты воръ, ой ты плутъ, такъ у него ушки на полѣ.

е. полковъ.

Отъ того, что эти Михѣичи, судя по себѣ, не знаютъ и не хотятъ знать другаго ума, кромѣ воровства и плутней, — имъ и въ голову не приходитъ, что ничего нѣтъ глупѣе плутней.

МАРГА.

А вотъ у моего Ивана Трофимовича всегдашняя поговорка: плутовать — глуповать, чест-

но жить — хлѣбъ пахать. И по уму-то кумъ Михѣичъ хоть гораздо глупѣе моего мужа, да по плутнямъ — то ему голову кружить: такъ мнѣ куда зло, что онъ ему навъваетъ, будто ты въ Петербургѣ свихнулся съ православія, пошелъ въ какіе то фармазоны, или фокусники, что-ли?

е. полковъ.

Неужли этому батюшка вѣрить?

МАРГА.

Боже упаси! Да вѣдь одно да одно все въ уши жуужать, да жуужать, то не диво, что и самъ не знаешь какъ, а въ головѣ что-то завлается.

е. полковъ.

Такъ я докажу жъ при немъ этому съ приписью подъячму, что человекъ просвѣщенный и лучше, и честнѣе, и благочестивѣе всякаго невѣжды.

гр. волковъ.

Нѣтъ, доказать ему не скоро можно:

Онъ такъ въ словъ невѣжество влюбленъ,

Что говорить — и звать того не должно,

Чего не знаетъ онъ.

А знаешь онъ всего одну науку:

По каверзамъ давать законамъ толкъ;

Онъ и къ писемъ когда приложитъ руку

И тутъ ввернетъ крючокъ.

МАРГА.

Правда твоя, Гриша: онъ большой охотникъ до крючковъ.

ГРУША.

Вотъ отчего онъ и меня грозитъ запереть на крючокъ.

МАРГА.

А, Грунюшка, ты здѣсь? А я думала, что ты домой ушла.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Нѣтъ, Марга Романовна: ваша крестница для именинъ Ивана Трофимовича играетъ со мною въ пасторали.

МАРГА.

Эхъ, это не ладно вы затѣли: опекунъ ей хоть и закалялся входить въ театръ; ну, да если какъ провѣдаетъ, то меня съ вами потащить къ суду. Нельзя ли безъ нея обойтись?

а. поповъ, съ крыши.

Берегитесь, берегитесь! крестный звѣрь...

марѣа.

Какой крестный звѣрь?

а. поповъ.

Оаддей Михѣичъ; онъ сводитъ съ задняго крыльца Ивана Трофимовича.

груша.

Ай, бѣда!

марѣа.

Бѣги же скорѣй!

груша.

Поги подкосило...

а. поповъ.

Идутъ сюда; убирайте все, а я здѣсь спрячусь.

марѣа.

Ну, какъ намъ быть?

груша.

Я спрячусь.

марѣа.

Вамъ печега прятаться, — вы свои; а вотъ ихъ, да все эти припасы куда бы спрятать?...

о. полковъ.

Эй! убирайте все въ сарай.

дмитревскій.

Грушевка, спрячься въ кустъ, а я векочу въ этотъ обрѣзъ; мы все таки близко будемъ.

(Груша прячется въ кустъ, а Валя въ обрѣзъ.)

чулковъ.

Эй вы, положите бороды въ театр. — (Исполняютъ.) А я спрячусь въ эту телегу.

гр. волковъ М. Попову.

Миша, полно писать! Идутъ!

м. поповъ, продолжал все писать.

Хорошо.

чулковъ.

Ба! Вотъ еще паризъ остался... Куда съ лтъ?... Да чего лучше!... (Надъзаетъ на М. Попова.)

м. поповъ.

Благодарствуй. (Все пишетъ.)

марѣа, бѣгла по театру съется, чтобъ все было прибрано.

Ну, все ли прибрали?

гав. полковъ.

Все, кажется... (На берегу лодкы.) Отчаливай! (Лодка уезжаетъ.)

марѣа.

Ба! Да кроме дѣтей ужъ никого нѣтъ: куда жъ все попрятались?

(Груша, Валя, А. Поповъ и еще нѣсколько мальчиковъ, спрятавшихся по разнымъ мѣстамъ, и доиде изъ нихъ за обрѣзъ, въ которомъ Валя, отвѣчаютъ изъ своихъ мѣстъ:)

Я здѣсь! Я здѣсь!

е. волковъ, заперши ворота въ сарай и вѣлъ к. ночь.

Крѣпость заперта, ключъ въ карманѣ, и я смело ожидаю подъяческаго нападенія.

марѣа.

Пожалуйста, Оаддейка, не бранись съ нимъ; повѣрь мнѣ старухѣ: тише да глабъ, Божья благодать; тише ѣдешъ, дальше будешь.

ДВѢНІЕ IV.

тѣ же, михѣичъ и полужкинь.

полужкинь.

Изволь, Оаддей Михѣичъ, самъ посмотритъ мой товаръ и скажи своему милостивцу, хорошъ ли онъ.

михѣичъ.

Я только, куманекъ, для проформы обрѣвизвирую.

марѣа.

Они идутъ въ сарай, воть бѣда!... Дѣти, поздравьте жъ вотчина.

е. волковъ.

Извините, батюшка, что мы не успѣли еще васъ поздравить.

марѣа.

Я во всемъ виновата; хотѣла пмъ дать звать, да въ хлопотахъ къ нашему пиру и забыла; не прогнѣвайся на меня, батюшка Иванъ Трофимовичъ.

полушкинъ.

Да развѣ, матушка, я на тебя когда гнѣваюсь? Здравствуйте, дѣти! — *(обнимаетъ Волковыхъ.)* Да что вы заѣсь подѣлывали?

е. волковъ.

Я околчилъ рѣзбу, которую къ вашимъ именинамъ общался сдѣлать въ пащъ приходъ.

михѣичъ.

А въ какой? смѣю спросить вашу премудрость.

е. волковъ.

Моя премудрость скажетъ вашему... любопытству, что въ пащъ, стамо быть и въ вашъ.

михѣичъ.

Извините, не стало быть: я знаю, гдѣ мой, гдѣ ихъ, чему мы поклоняемся; а гдѣ вашъ, и чему вы поклоняетесь, это извѣстно, можетъ быть, только одному...

марфа.

Кому?

михѣичъ.

Спросите у сынка вашего, а у меня языкъ не поворотится выговорить.

гр. волковъ.

Всѣ знаютъ, что у васъ рука поворотливѣе языка.

(Показываетъ какъ подъячїе берутъ.)

е. волковъ, дѣласть знакъ
Гришь, чтобъ
онъ молчалъ.

михѣичъ.

Ахъ, ты бѣ... Да нечего дивить, братцево обученье.

полушкинъ.

Да, спасибо Федору Григорьевичу, онъ такъ ихъ обучаетъ.

михѣичъ.

А чему бы такому? смѣю спросить.

е. волковъ.

Быть честными людьми и не связываться съ плутами.

михѣичъ.

А кто бы таковъ былъ, по вашему, плутъ?

е. волковъ.

Ужъ конечно не вы.

михѣичъ.

Не я?...

гр. волковъ, въ сторону.

Захлѣлъ за живое!

михѣичъ.

Ну, положимъ, что не я; да кто же бы такой, напримѣръ?

е. волковъ.

А напримѣръ, тотъ, кто такъ умно плутуетъ, что его не только не поймаешь, но и не замѣтишь.

михѣичъ.

А развѣ я находился въ понмѣ, или оставленъ подѣ замѣчаюемъ?

полушкинъ.

Да что ты, кумъ, все прицѣпляешься? онъ тебя не трогаетъ?

михѣичъ.

Нѣтъ, онъ трогаетъ такихъ людей, которые и не намъ чета: ла здѣшній помѣщикъ Гуръ Любимовичъ Чупчиковъ имѣлъ за собою по ревизїи до семисотъ душъ, человекъ класной, красивой провинціи; а миѣ пересказывали, что онъ его отбоярилъ виршами.

полушкинъ.

Кто это?

е. волковъ.

Въ знаете, батюшка, Чупчикова: онъ третьяго дня выѣхалъ на славномъ Турецкомъ жеребцѣ; Ваня Дмитревскїй сталъ хвалить и ѣздою и лошадей, и я ему сказалъ эниграмму.

михѣичъ.

Слышишь ли, что онъ сказалъ, а!... А что значить это слово?

е. волковъ.

Название рода стиховъ.

марфа,

А! такъ ты сказалъ стихами. Да что жъ такое?

е. волковъ.

Всадника хвалить: хорошъ молодецъ;
Хвалить другіе: хорошъ жеребецъ;
А я такъ пришловно: и конь и дѣтина
Оба пригожи, — и оба скотина!

михѣичъ.

А, что? каково?... Да вѣдь это не въ бровь, а прямо въ глазъ!

ПОЛУШКИНЪ, СМѢЯСЬ.

Не въ глазъ, а въ голову.

МИХЯИЧЪ,

Смѣйся, смѣйся, да чтобъ послѣ не пла-
кать.

Эхъ, сватушка, повѣрь,
Что плакать горько станешь,
И если не теперь,
То впредь меня вспомнишь:
Твой умища большой
Завѣдъ у многихъ душу,
И я къ вамъ ни ногой
Пускать не стану Грушу.

ПОЛУШКИНЪ.

Полно-те о старомъ толковать; скоро вре-
мя къ обѣдѣ, — пора намъ посмотреть то-
варь. (*Ведетъ Михяича къ сараю.*)

МАРФА, О. ВОЛКОВУ.

Не робѣй, Федя, говори все на меня.

ПОЛУШКИНЪ.

Ба! Да сарай запертъ... А гдѣ сторожъ?

МИХЯИЧЪ.

Вотъ никакъ опъ... Ба! Да опъ пишетъ...
Охъ, охъ! Ужъ и сторожа стали грамоты...
(*Подходитъ къ М. Попову и толкаетъ
его.*) Эй, ты!

М. ПОПОВЪ.

Что?

МИХЯИЧЪ.

Вставай... Ба! Да что это за чучело?

М. ПОПОВЪ.

Кто чучело?

МИХЯИЧЪ.

Ты... Полюбуйся-ка, кумапекъ, па эту
обезьяну.

ПОЛУШКИНЪ.

Ба! Миша Поповъ! Да что это у тебя на го-
ловѣ?

М. ПОПОВЪ.

Извините, Иванъ Трофимовичъ, я васъ не
примѣтилъ, и не снялъ шляпы.

МИХЯИЧЪ.

Какой шляпы!.. (*Вырываетъ парикъ.*) Что
это?

О. ВОЛКОВЪ.

Парикъ.

МИХЯИЧЪ.

Знаю, что парикъ; мы таки, благодаря Бо-
га, хоть и не бывали въ Петербургъ, а парики
видали... Да кто его на тебя падѣлъ?

М. ПОПОВЪ.

Я, право, и самъ не знаю, какъ опъ на мнѣ
очутился.

МИХЯИЧЪ.

Очутился... Прошу прислушать, кумапекъ,
очутился!... А кто, не здѣсь будь сказано,
очучается? — Апъ и выходитъ моя же правда:
повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему
и голову сломить.

МАРФА.

И, кумапекъ! Тутъ нѣтъ ни кувшина, ни
воды; этотъ парикъ привезъ Федя изъ Петер-
бурга.

МИХЯИЧЪ.

Да и я объ этомъ же говорю, кумушка, что
твой Федя много кой-чего прочаго привезъ изъ
Петербурга, и куда опъ повадился ходить,
тамъ ему и голову сломить.

Мнѣ вашъ же сказывалъ прикащикъ,
Что вашъ разумникъ, въ часъ почной,
На плечи вскинулъ красный плащикъ
И свитокъ черный взялъ съ собой,
Сойдетъ за Волгу, да русалокъ
Умильно такъ молить начнетъ;
А тамъ па скликъ проклятыхъ галокъ
Какъ будто льшій зареветь.
Тутъ галки вдругъ подымутъ грохотъ,
Взвѣются тучей вкругъ его;
А тамъ въ водѣ раздастся хохотъ, —
И я слышалъ, что оттого
Опъ прослылъ въ городъ удачей,
Что къ чорту ходить на погость.

МАРФА.

А я слыжала, что подъячій
И чорта проведеть за хвостъ.

ПОЛУШКИНЪ.

Эхъ, матушка, Марфа Ромаповна!

МАРФА.

Виповата, батюшка Иванъ Трофимовичъ:
сорвалось съ языка, — материнское сердце не
вытерпѣло, и хотя Фаддей Михяичъ мнѣ и
кумъ, а не промѣблю па него моего роднаго
сына; не прогнѣвайся на меня, а я скажу ему,
что опъ лжетъ.

ГЛАВ. ВОЛКОВЪ.

Не лжетъ, а вретъ.

полужкинь.

Да это не онъ жетъ, а прикащикъ нашъ.

михвичъ.

Ну, пусть прикащикъ жетъ, да парикъ-то что говоритъ, и откуда онъ очутился?

е. полковъ.

Онъ молчитъ, а я говорю, что я его привезъ изъ Петербурга.

михвичъ.

А на какую потребу?

е. полковъ.

На то, чтобы въ немъ представлять комедию.

михвичъ.

Слышишь ли, кумъ? Слышишь ли, кумъ? Слышишь ли, кумъ?

полужкинь.

Слышу, пока ты меня не оглушилъ.

михвичъ.

Ахъ, для чего я самъ не оглохъ до сей occasiо!... Что, не говорилъ я тебѣ, что этотъ заморскій мастеръ мастерить перевернуть твой домъ въ дьявольское гнѣзю... что онъ затѣваетъ комедию...

марш.

Да что жъ тутъ за бѣда? Я слышала отъ Ивана жъ Трофимовича, что при отцѣ нашемъ, первомъ Императорѣ, представляли комедии не только въ Кремль, но и въ царевниныхъ теремахъ и въ Ростовской семинаріи.

полужкинь.

Да, точно, дядя покойный самъ ихъ видалъ.

михвичъ.

А заводилъ ли твой покойный дядя у себя комедіи?

полужкинь.

Нѣтъ.

михвичъ.

Вотъ оно-то и есть: знай, сверчокъ, свой шестокъ; большому кораблю большое и плаваніе, а наши лодочки держись берега; оно и не такъ опасно... Да и что толку въ вашихъ комедіяхъ?

е. полковъ.

А то, что онъ изблнчаютъ тѣхъ бездѣльниковъ, которые увертываются отъ правосудія.

михвичъ.

А какихъ бы, напримѣръ?

е. полковъ.

Да, напримѣръ, такихъ, которые пьютъ въѣтъ, кривя душою, бездѣльничая, разоряя честныхъ людей ябедничествомъ и заводя безконечныя тяжбы, унырнули отъ строгости законовъ.

михвичъ.

Все это умище судъ приватный

Стрель брени, безъ формы приговоръ;

У насъ же толкъ простой, да вилтнй:

Кто не поймавъ, тотъ не поръ.

е. полковъ.

А если кто поймавъ, да вырвался.

михвичъ.

Все-таки не воръ, а проворъ; а кто осмѣлится опубликовать его воровъ, того самого такъ зацѣпять, что и не отцѣпишься. Нѣтъ, голубчикъ, не замай напихъ, и если твои комедии, да Боже васъ избави, захотитъ эдакъ марать честныхъ людей, то и ты, и вотчимъ твой, да и тѣ, кто у васъ въ домѣ бываютъ, наживутъ себѣ такихъ супостатовъ, отъ которыхъ ничѣмъ не отцѣлаешься; чего добраго, и твои фабрика заплатитъ за его комедіи, — и я ужъ тогда пера въ чернила не обмовиу.

полужкинь.

Послушай, Федоръ Григорьевичъ: если твой театръ въ самомъ дѣлѣ можетъ пакнуть мнѣ враговъ, то я покорный слуга.

михвичъ.

Вотъ то-то же: старикъ себѣ на умѣ, знаетъ, гдѣ рани знуютъ — и да будетъ проклять твой театръ! Не такъ ли, кумъ?

полужкинь.

Я никого и ничего не проклипаю; по и не благословляю тебя, Федоръ Григорьевичъ, на такое дѣло, отъ котораго ты можешь себѣ пакнуть враговъ.

е. полковъ.

Хотя я и не боюсь враговъ, а могу вамъ отвѣчать, что театръ вамъ доставитъ важныхъ друзей. Всякій Русскій съ сердечною радостію увидитъ на своемъ языкѣ и своими актерами представленныхъ во всей красѣ людей, содѣлавшихъ славу его отечества; всякій благомыслящій человекъ съ удовольствіемъ будетъ видѣть осмѣяніе порока, — и я

увѣренъ, что самъ Оадей Михѣичъ радъ будетъ, когда ему представятъ въ лицахъ какого-нибудь воеводскаго товарища, котораго онъ же за носъ водилъ... Не такъ ли?

михѣичъ.

Оно и такъ, да не такъ: и что ты ни пой, а я свое говорю: твой театръ чертовщина и бѣсовщина, и заводить его куму не для чего; выставить себя выскочкой неприлично; тратить деньги на пустое не годится.

о. полковъ.

А если я вамъ докажу...

михѣичъ.

Ты мнѣ докажешь?... Ты?

о. полковъ.

Да, я.

михѣичъ.

Нѣтъ, голубчикъ, молодецекъ: не забывай, что я тебя и грамотъ Русской обучилъ, такъ тебѣ меня учить не удастся. А ты, куманекъ, слушай, или не слушай меня, только я тебѣ на-отрѣзъ скажу, что если у тебя да заведется хоть пол-комедии, то ты ищи себя другаго стряпчаго, и пусть тебя волочатъ по судамъ, какъ хотятъ, а на меня не надѣйся, — и я въ твой домъ ни ногой, чтобъ не видѣть того разврата, который, по милости твоего умника, въ немъ заводись.

марѣа.

Какого разврата? Прошу не обижать нашего дома! И что въ немъ заводится?...

михѣичъ.

Если мы не увидимъ, то услышимъ.

марѣа.

Нѣтъ, я прошу...

полушкинъ.

Эхъ! Да мы опять заговорились, а товарище все еще не осмотрѣнъ... Да у кого ключъ?

марѣа.

Мой грѣхъ во всемъ: нынче я для радостнаго дня, приготовляя все, чтобы не стыдно было дорогому имениннику, услала всѣхъ сторожей и запрятала ключъ, не знаю куда; — но если прикажешь, побѣгу...

полушкинъ.

Не безпокойся, матушка... Да отъ анбара съ отборной юфтью не пайдется ли поближе ключа?

о. полковъ.

Вотъ опъ у меня; прикажете, я отопру.

полушкинъ.

Потрудись, Оелоръ Григорьевичъ... Ну, любезный куманекъ, полюбуйся-ка пашей отдѣлкой... Пойдемте, дѣти, покажемъ ему товаръ лицомъ. (*Входитъ со всѣми въ анбаръ, который на второй сторонѣ.*)

чулковъ, выглядывая изъ тѣлги.

Они ушли?... Эй, Миша!

м. поповъ, который оцѣлъ принялся писать.

Что?

чулковъ.

Что съ тобою понаделалось?

м. поповъ.

Я, право, и самъ не знаю: ты знаешь, когда я примусь за сочиненіе, то ничего вокругъ себя не вижу, не слышу.

а. поповъ, выглядывая съ кровли.

Ваши!

дмитревскій, показываясь изъ обрѣза.

Что?

а. поповъ.

Вставай, они ушли въ анбаръ, да скоро выйдутъ.

дмитревскій.

Уфъ!... Грушенька, они ушли.

груша.

Ахъ, я отъ страха вся дрожала,
Не чувствуя ни рукъ, ни ногъ.

дмитревскій.

Ты близко отъ меня стояла,
А говоришь съ тобой не могу.

чулковъ, садясь въ тѣлгу.

Я скорчилъ такъ себя всю спину,
Что врядъ ли скоро распрямлюсь.

дмитревскій.

Дай, я къ тебѣ обрѣзъ подвину.

груша.

Не двигай, нѣтъ, я страхъ боюсь.

дмитревскій.

Да какого изъ нихъ не видно,
Подвинуть въ мнѣ его могу.

(Вылезаетъ изъ обрѣза и цалуется руку Груши.)

а. поповъ.

Да никого изъ нихъ не видно,
Такъ я на крышу взлѣзть могу.
(Взлѣзаетъ на крышу.)

чулковъ.

Да никого изъ нихъ не видно,
И я поправиться могу.
(Стаивается въ театрѣ.)

груша, вырывая руку.

Ахъ, Валя, какъ тебѣ не стыдно!
Взлѣзай опять: я помогу.

дмитревскій, не пуская руки.

Нѣтъ, прежде надобно подвинуть.

груша.

Ну, такъ скорѣе подвигай.

дмитревскій.

Да грустно мнѣ тебя покинуть.

груша.

Ахъ, полно, ну, скорѣй взлѣзай!

дмитревскій, взлезая на чанъ.

Я въ мигъ выпрыгну, ты будь въ покоѣ!
(Держась за Грушу, взлѣзаетъ на край чана.)

Вотъ, прыгаю...

и. поповъ.

Идутъ!

дмитревскій, желая прыгнуть, опрокидывается обрѣзъ.

Ахъ!

груша.

Ахъ!

чулковъ, поповъ, полушкинъ, михѣичъ
и прочіе, выходящіе изъ анбара.

Что тамъ за крикъ, что тутъ такое?

михѣичъ.

Обрѣзъ стонетъ, какъ на ногахъ.
Ну, видишь, кумъ, и это чудо
Ей, ей, не хуже парика.

груша.

Ахъ, худо, Валя.

дмитревскій.

Очень худо.

марфа, волковъ и поповы.

Ну, это взбѣснитъ старика!

михѣичъ, подходитъ къ обрѣзу.
Груша падаетъ на колѣни.

Эй, кумъ, сюда! вотъ тутъ находка! (Ваши.)
Что здѣсь ты дѣлаешь, вострякъ?

дмитревскій, оробѣвъ.

Кто? я-съ? — Сичу.

михѣичъ, увидя Грушу, которая отъ страха сидитъ на своихъ колѣняхъ.

Ахъ, ты, красотка,
Зачѣмъ здѣсь спряталась?

груша, дрожа отъ страха.

Да такъ.

полушкинъ, увидя Чулкова.

А ты что дѣлаешь въ театрѣ.

чулковъ, какъ бы погоняя лошадей.

Скачу въ Москву на почтовыхъ.

а. поповъ, ложась на крышку.

А я ночую на почлегѣ.

полушкинъ и михѣичъ.

Да сколько здѣсь явилось ихъ!

михѣичъ, Ваня и Грушъ.

Вы вѣкъ сидѣть хотите?

дмитревскій и груша.

Нѣтъ, право, не хотимъ.

михѣичъ.

Однако жъ вы сидите.

дмитревскій и груша, вставая.

Нѣтъ, мы ужъ не сидимъ.

михѣичъ, Марфа.

Ну, вотъ мои павѣтки.
Ты видишь ли теперь? (Полушкину.)
Вотъ матушкины дѣтки,
Такъ и впередъ мнѣ вѣтъ. (Грушъ.)
Я отъ тебя добыюся,
Ты скажешь все...

груша.

Скажу.

михѣичъ.

Скажи жъ!

груша.

Я васъ боюся,
И вся какъ листъ дрожу.

михѣичъ.

Чтобы меня безславить,
Пришла сюда ты въ домъ.

груша.

Нѣтъ, я пришла поздравить.

михѣичъ.

Поздравить, — за кустомъ!
Итъ, ты пришла у брата
Заморскому уму
Учиться.

груша.

Виновата!

михѣичъ.

Да не бывать тому,
Домой, домой, сударка! (Марѣ.)
Ну что? Каковъ твой сынъ? (Полушкину.)
А ты не ждалъ подарка
Ссбъ для пменинъ. (Грушъ, которая отъ
страха перебираетъ пальцами.)
Ну, что ты щиплешь пальцы,
Иди сейчасъ домой;
Тотчасъ садись за пльцы
И къ братцамъ пи ногой.

марѣ.

Ахъ, батюшка, Иванъ Трофимовичъ!

полушкинъ.

Что, матушка, Марѣ Романовна!

марѣ.

Да ты ужъ не гнѣваешься ли на дѣтей мо-
ихъ?

полушкинъ.

А вѣдь было бы за что прогнѣваться. (Ѳ.
Волкову.) Что это было!

Ѳ. волковъ.

Послушайте, батюшка, вы мнѣ до сей по-
ры во всемъ вѣрили.

полушкинъ.

И ты пи въ чемъ меня не обманывалъ.

Ѳ. волковъ.

Такъ не спрашивайте меня ни о чемъ
до вечера, или я вамъ напередъ говорю, что

вы принудите меня въ первый разъ въ жизни
солгать.

полушкинъ.

Избави, Боже, тебя къ этому принуждать;
но, Ѳеодоръ Григорьевичъ, я тебѣ скажу одно:
чтобы ты мнѣ въ вечеру ни сказалъ, а то,
что я видѣлъ и слышалъ, у меня крѣпко здѣсь
засѣло.

марѣ.

Ахъ, батюшка, Иванъ Трофимычъ, на вся-
кое чиханье не наздравствуешься, и мой
любезный кумапекъ, много тебя смущаетъ.

полушкинъ.

Гдѣ ему меня смущать! Да дѣло-то что-то
затѣяно не по нашему... Ба! Да ты, братъ
Ѳеодоръ, и голову повѣсилъ... Полно, гдѣ
видало, чтобы у именинника лучшей его гость,
первый его другъ и товарищъ, упывалъ!...
Брось все, обвини сердечнаго отца, — да и за
веселье:

Сегодня мы сберемъ пирושку
Для важныхъ городскихъ гостей,
Ратафин поставимъ кружку
И въ круговую всякой пей.

Ни чьей досады не попомнимъ,
Ты всякъ на хлѣбъ и соль проси;
И братью нищую накормимъ,
Какъ встарь водилось на Руси.

Ты реискаго изъ бочки повой,
Жена, цѣди и нищихъ пей,
За здравье Дочери Петровой
И счастье родины святой.

(Всѣ уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ декорацио перваго дѣйствія со вѣзмъ, что на ней было при окончаніи акта.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ө. Волковъ, сидитъ подлѣ закрытыхъ гуслей своихъ; у него въ рукахъ перо и передъ нимъ счеты, которые онъ повърлетъ. Дмитревскій, въ плащѣ, подъ которымъ на немъ надѣто платье Эс-еири, румянить дѣвущекъ, одѣтыхъ Иудейскими дѣвами; А. Поповъ, полуодѣтый, репетуеъ роль и ему суфлируетъ. М. Поповъ, Гаврилю Волковъ тоже въ плащѣ, подъ которымъ платье Мардохея, разбираеъ вѣнки и раздаеъ женщинамъ.

А. поповъ.

Ну, братъ, я, кажется, роль твердо знаю.

М. поповъ.

Не очень, ты во многихъ мѣстахъ ошибался.

А. поповъ.

Ты вѣчно о пустомъ хлопочешь:

Тебѣ все знай и перезнай.

Нѣтъ, братъ суфлеръ, ужъ какъ ты хочешь,

А только съ вамп не зѣвай.

Ну, какъ упомянуть все тѣ вздоры,

Что авторъ вишетъ иногда?

И настоящіе актеры

Ихъ роли знаютъ не всегда.

М. поповъ.

Такъ, стало быть, они не настоящіе актеры; человекъ, который не знаетъ своего дѣла, ни въ чемъ не будетъ настоящимъ и не заслужитъ уваженія. Не такъ ли, Осодоръ Григорьевичъ?

Ө. волковъ.

Такъ, да ты меня сбиль съ счета... 13,128 съ завода, 24,248 на заводѣ.

М. поповъ.

Да что вы дѣлаете?

Ө. волковъ.

Вотчимъ далъ мнѣ повѣрить счеты... А, Миша, переищи же скорѣе послѣдніе мои стихи.

М. поповъ.

Я ужъ ихъ переписалъ.

Ө. волковъ.

Хорошо... И такъ остается 11,114... такъ... Эй, братъ Ваня, закрась Артаксерсовы кресла. Обивал ихъ, краску стерли.

ГЛАВ. ПОЛКОВЪ.

Закрашу тотчасъ.

Ө. волковъ.

Вотъ еще невѣрно... Ваня, показаль ли ты дѣвущкамъ, какъ имъ стоять на театрѣ?

ДМИТРЕВСКІЙ.

Сейчасъ показываю. (Ставитъ дѣвущекъ въ полукругъ.)

Ө. волковъ.

Да, точно пропущена цѣна; да я мигомъ поправлю.

А. поповъ.

Какоеъ молодець!

М. поповъ.

Русскій человекъ смѣтливъ, досуженъ и спаровчивъ.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ЧУЛКОВЪ.

А. поповъ.

А, братъ Миша, что тамъ дѣлается?

ЧУЛКОВЪ.

Да теперь ужъ почти все гости...

А. поповъ.

Разошлись?

ЧУЛКОВЪ.

Да нные разошлись, нные развелись, а нные и разпеслись.

У насъ въ питье считаются три класса:

Одинъ, когда зовется пить въ красу,

Когда огонь зардѣется вокругъ глаза

И расцвѣтуть нюны на носу.

Другой зовутъ: напились съ воздержаньемъ,

То есть, когда, вспомня старину,

Кунецъ, простясь съ пріятельскимъ собраньемъ,

Идетъ, держась за стѣну, или жену.

А третій классъ: питье съ расположеньемъ,

Тутъ успѣвая хозяйка палпавать;

И гости пьютъ, какъ будто съ принужденьемъ,

Повуда ихъ положить на кровать.

А стряпчий нашъ, краса вѣсхъ пьяницъ штатскихъ,
Изображалъ второй потышный классъ,
И шелъ, держась за членовъ магистратскихъ,
А члены шли, за стряпчаго держась.

е. полковъ.

Уфъ! Кончили... Ну что ты рассказываешь?

чулковъ.

Я рассказываю, какъ нашъ благодѣтель Ми-
хѣичъ отправился домой.

е. полковъ.

Давно?

чулковъ.

Да ужъ часа съ два, больше.

е. полковъ.

Боюсь, скоро проспится.

чулковъ.

О, нѣтъ: Марѳа Романовна его порядочно
употчивала и приказала вамъ сказать, что
она непременно сюда приведетъ Ивана Тро-
фимовича, только не отвѣчаетъ, что изъ этого
выйдетъ.

е. полковъ.

А я отвѣчаю, что онъ придетъ въ восхи-
щеніе.

дмитревскій.

А какъ Груша не будетъ съ нами играть,
то и все прощай. Я ужъ провѣдалъ, что о-
пекутъ заперъ ее въ комнату и не велѣлъ да-
же подходить къ окошку, и если ея не будетъ,
то я не играю Эсэри.

е. полковъ.

Что такое?

чулковъ.

Онъ не хочетъ играть Эсэри.

е. полковъ.

Какъ, Валя! Похоже ли это на тебя? Ты
такой малой добрый, услужливый, доброхот-
ный...

дмитревскій.

Воля ваша, вы можете на меня сердиться,
бранить, прибить меня, если хотите, а я иг-
рать не въ силахъ: я такъ разстроены, такъ
у меня голова болитъ, что не могу показать-
ся на театрѣ.

е. полковъ

Да отъ чего?

чулковъ.

Оттого, что Груши не будетъ.

е. полковъ.

Эхъ, Валя, какой стыдъ: за дѣвочку измѣ-
нить друзьямъ, чести, своему искусству...

дмитревскій.

Да что жъ дѣлать, если я не могу, если я
расплачусь...

а. поповъ.

Лодка съ музыкой причаливаетъ; пойдете
на встрѣчу.

е. полковъ, Валя.

Пойдемъ.

дмитревскій, садясь на стулъ.

Не могу!

е. полковъ, Чулкопу.

Уговори его. (*Идетъ къ лодкѣ, которая
подплыла.*)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

тѣ же, гр. полковъ, Груша, пѣвчіе и музыканты.

гр. полковъ, выходя изъ лодки.

Ну, братцы, рядомъ становись,
На плеча весла вы кладите.

(Грушѣ.)

Ты крѣпче за меня держись,
Порядкомъ все за мной идите.

(Гребцы дѣлають изъ веселъ родъ носилокъ, са-
жаютъ на нихъ Грушу, которая въ покрывалѣ.)

хоръ, плѣ впередъ и несъ
Грушу.

Съ большою радостью идемъ
Играть, и пѣть, и потѣшаться,
Добычу славную несемъ:
Кто хочетъ ею любоваться?

полковы, поповы и проч.

Такъ скоро мы, друзья, начнемъ
Играть, и пѣть, и забавляться.

дмитревскій.

Что это тамъ?

чулковъ.

Ну, подойдемъ, (ведетъ его.)
Вотъ Груша.

дмитревскій.

Нѣтъ, не можетъ статься.

(Узнавъ Грушу.)

Она! Какъ ты сюда пришла?

ГР. ВОЛКОВЪ.

Ты видѣлъ: нашиви рукамп.

ДМИТРЕВСКІЙ.

Да за замкомъ она была.

ГР. ВОЛКОВЪ.

Такъ что жъ? Замки вездѣ съ ключамп.

ДМИТРЕВСКІЙ, Грушѣ.

Какъ это сдѣлалось, что вы здѣсь?

ГР. ВОЛКОВЪ.

Я, возвращаясь изъ подгородной на лодкѣ съ музыкой, останоил лодку противъ Михичева сада, сбѣжалъ на улицу; увидя Грушу въ окошко, догадался, что дѣлать: вбѣжалъ, шепнулъ Михичу, что встрѣтилъ стряпчого, который долженъ говорить противъ него въ судѣ по вотчинному дѣлу, что этотъ стряпчій юркнулъ въ воеводскую канцелярію. Онъ съ полпьяна вскочилъ и побѣжалъ, сломал голову, а я выручилъ Грушу, — вотъ и все!

ДМИТРЕВСКІЙ, обнимая Грушу.

Чего жъ еще больше?

О. ВОЛКОВЪ.

Теперь всѣ собрались, — и я кончилъ вотчинное порученіе, такъ надо заняться костюмами.

ДМИТРЕВСКІЙ, раздѣвая плащъ.

Я ужъ въ половину одѣтъ.

А. ПОПОВЪ.

И я почти совсѣмъ обз-Аманси.

ГВ. ВОЛКОВЪ.

И я почти готовъ.

ГР. ВОЛКОВЪ.

Я мигомъ парижусь, и привезъ Грушину платье, которое въ Майковой подгородной шила сѣнная дѣвушка, а покрывало ужъ на ней.

М. ПОПОВЪ.

Я сначала сфлирую, а къ концу буду готовъ.

ЧУЛКОВЪ.

А я къ началу.

О. ВОЛКОВЪ,

Мнѣ еще надо будетъ встрѣтить батюшку, а во время увертюры успѣю одѣться.

=

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢ ЖЕ И МАРФА.

МАРФА.

Когда я услышала музыку, сердце у меня забилось: я не утерпѣла, чтобъ не прибѣжать къ вамъ. Ну, что, все ли у васъ готово?

О. ВОЛКОВЪ.

Все тотчасъ поспѣеть.

МАРФА.

Да чтожъ вы тутъ стоите, сложа руки? Ну, всѣ скорѣй въ сарай... эй-бишь — въ театръ, одѣвайтесь, приготовляйтесь, — идите, идите, отворите двери... нѣтъ, нѣтъ, не эти: у нихъ свои сзади, а это для гостей, — такъ, что ли?

О. ВОЛКОВЪ.

Такъ, матушка, да не безпокойтесь, — всѣ поспѣютъ.

МАРФА.

Ну, хорошо, коли поспѣютъ; да меня безпокойтъ кумъ Михичъ: боюсь, чтобъ онъ не скоро проспался.

ГРУША.

Ахъ, матушка крестная, да онъ ужъ проспался.

МАРФА.

Ахъ, онъ злодѣй! Каковъ же! Я ему все въ двойную череду подносила: да этимъ подъячимъ и хмѣль тринь-трава, ни чуть не крѣпче звѣробоя.

ЧУЛКОВЪ.

Да если звѣробой, въ самомъ дѣлѣ звѣробой, то долженъ его убить.

МАРФА.

И, батюшка, что онъ за звѣрь? Такъ, ни рыба, ни птица. Да чтобы онъ не прикатилъ съ пьеса сюда.

ГР. ПОЛКОВЪ.

Не бойтесь, матушка, я его турнулъ за стряпчимъ Вишатычемъ въ воеводскую канцелярію, версты за три отсюда, — и онъ теперь еще бѣжитъ, сломя голову.

МАРФА.

Ништо ему, пусть его пробѣжитъ... А стряпчого тамъ нѣтъ?

ГР. ПОЛКОВЪ.

И не бывало!

МАРФА.

Славный ему променажь... Ха, ха, ха! Я как будто вижу, как онъ улепестываетъ, какъ брюшко его колыхается, какъ онъ пытитъ... *(Хохочетъ.)* Бѣги, бѣги, падѣдайся! — Найдешь тамъ Вифантыча. *(Хохочетъ.)* Охъ, да что я расхохоталась, ужъ полно, къ добру ли?... Мой Иванъ Трофимовичъ, хоть человекъ и тихій, да и тихіе люди подчасъ такъ разбушуются, что Боже упаси!.. все перевернуть вверхъ дномъ.

О. ПОЛКОВЪ.

Ахъ, матушка, не пугайте меня; я и безъ того, признаюсь вамъ, не знаю, что со мною дѣлается.

МАРФА.

Не робѣй, не робѣй... авось... Да что жъ вы опять стали? Идите, идите... *(Толкаетъ вспѣхъ, кромѣ О. Волкова; всѣ уходятъ и Марфа туда же гонитъ М. Попова.)*

=

ЯВЛЕНИЕ V.

МАРФА, О. ПОЛКОВЪ И М. ПОПОВЪ.

М. ПОПОВЪ.

Я, Марфа Романовна, только пока сифлёръ.

МАРФА.

А! — Оедишка, что онъ такое?.

О. ПОЛКОВЪ.

Ему не падо одѣваться: онъ только будетъ намъ подсказывать, когда мы что забудемъ.

МАРФА.

Вотъ что! Какъ это умно вздумано; человекъ то есть: ну, какъ не забыть ему... Ахъ, вотъ и я забыла шепнуть двоюродному дядь твоему, здѣшнему головъ, чтобъ онъ, знаешь, побольше поджогъ великатность Ивана Трофимовича: всѣ мы люди, всѣ подъ Богомъ ходимъ. У кого пѣтъ своего конька, который его везетъ, куда хочетъ? Надо только умѣть за всякаго взяться, а братецъ-голова — человекъ дальновидный.

Скажу, что этотъ голова,

Не даромъ головой зовется:

На немъ такая голова,

Какихъ головъ не вдругъ найдется!

А отъ много головы
Жди поголопного изъяпа, —
И голова безъ головы
Не лучше этого чурбана!

(Показываетъ на болванъ, на которомъ направляютъ парики.)

А если братца-голову смѣнять, то развѣ только одинъ мой Иванъ Трофимовичъ можетъ быть здѣсь головою, и то съ помощію Божіей.

М. ПОПОВЪ.

И вашей?

МАРФА.

И, батка, наше бабье дѣло: молчи и слушай разумныхъ людей, да дѣлай, что мужу угодно... А, кажется, Оедишка, Михѣичъ-то заронилъ искру въ нашъ чердакъ. Боюсь, чтобъ не было пожара, а ужъ давеча крѣпко дымокъ показывался... Утѣрѣпь ли ты, что твой театръ его разгонитъ?

О. ПОЛКОВЪ.

Совершенно утѣрѣпь: можно ли видѣть театръ безъ восхищенія?

МАРФА.

Ну, ты много видалъ, много слыхалъ, много читалъ: такъ все должно лучше знать насъ глупыхъ бабъ.

О. ПОЛКОВЪ.

И все мое знаніе безъ вашей помощи никуда не годится.

МАРФА.

Что ты думаешь... а всправду, и бабья глупость иногда пригодится... Ну, да утро вечера мудренѣй... поутру-то мы съ тобой больно ноплошали, а въ вечеру-то, авось... Ну, да прощай; чему быть, того не миновать; я пойду къ гостямъ: а тамъ, какъ у тебя все готово будетъ, мы съ братцемъ-головой и выведемъ сюда, кого намъ надобно... Прощай!... *(Возвращаясь.)* Только я что-то сегодня не путемъ весела... Правда, дельто такой радостный... Ну, да что бойся, то хуже... побѣжать стряпать вмѣсто Михѣича.

=

ЯВЛЕНИЕ VI.

е. волковъ, и. поповъ и потомъ другіе актеры,
однѣ послѣ другаго, выбѣгаютъ изъ сарая.

е. волковъ.

Дай руку, Миша, — пошупай, какъ сердце
выскочить хочетъ.

и. поповъ.

Да! Очень бьется: неужли отъ страха!

е. волковъ.

Я самъ не знаю отъ чего... А кстати: я
вчера, воображалъ живо ту минуту, когда яв-
люсь въ первый разъ на сцену, почувство-
валъ такое же бѣненіе, схватилъ перо и на-
писалъ:

Скажи мнѣ, сердце, отчего
Въ тебѣ столь сильное бѣненіе!
Отъ страха ль только одного,
Иль болѣе отъ восхищенья?
Жизнь новую мнѣ дасть уснѣхъ,
Убѣтъ партера судъ ужасный:
Ахъ, мнѣ вѣзвѣстно, какъ для всѣхъ
Смѣшонъ актеръ несчастный!

Нѣтъ жалости къ нему ни въ комъ:
Но легче ль быть дурнымъ поэтомъ,
И не успѣвъ ни въ томъ, ни въ семъ,
Придется мнѣ проститься съ свѣтомъ.
За то, какая жъ слава ждетъ
Актера и творца большаго:
Однѣ въ сей жизни лавры жнетъ,
Безсмертье ждетъ другаго.

Но полной благостью Небесъ
Они не наслаждаются оба:
Актеръ какъ умеръ, такъ нечезъ,
Поэтъ неощевенъ до гроба.
Ахъ, часто зависти навѣтъ
Грызеть обонхъ клеветою;
Но все актеръ, или поэтъ —
Великъ самниъ собою!

Такъ, самниъ собою: мой даръ — мое бо-
гатство; мой даръ — мои почести; мой даръ —
моя слава; никто не въ-силахъ ни дать, ни
отнять этой собственности: она не зависить
ни отъ кого, — она моя; я ее получилъ съ жи-
знію, но и съ самой жизнію не вовсе ее утра-
чу... Такъ, чувствую, что я рожденъ быть
актеромъ; — и какаа бы блестящая судьба ни
представлялась мнѣ въ будущемъ, я все оста-
нусь и умру актеромъ.

а. поповъ, одѣтый Аманомъ,
вытѣзалъ изъ кры-
ши, кричить:

подавай скорѣй!

е. волковъ.

Что тамъ сдѣлалось?

а. поповъ.

Всѣ облачныя веревки перепутались. Ни
одно облачко отъ земли не отходить.

е. волковъ.

Какъ же быть?

а. поповъ.

Авось, поправлю!

е. волковъ.

Авось! Этимъ словомъ много важныхъ
дѣлъ надѣлали, и я надѣюсь на него.

а. поповъ.

Надѣйтесь на него и на меня.

е. волковъ.

Да, я увѣренъ, что ты поправишь: и эта
бѣда куда пойдетъ, мы и безъ облаковъ обой-
демся, — нечего дѣлать.

гр. волковъ, вбѣгая.

Ахъ, братецъ!

е. волковъ.

Что сдѣлалось?

гр. волковъ.

У Вани Эсфирины башмаки лопнули попе-
рекъ. Нельзя никакъ въ нихъ показаться.

е. волковъ.

Да не можно ли починить?

гр. волковъ.

Никакъ невозможно.

е. волковъ.

Однако жъ изъ за-башмаковъ нельзя же не
давать пѣсы.

гр. волковъ.

Я знаю, — да чѣмъ же помочь?

е. волковъ.

Эхъ! Сдѣлайте какъ нибудь!.. Куда же ты
бѣжишь?

гр. волковъ.

Да ты ужъ сказалъ, чего жъ еще ждать?

е. волковъ.

А что я сказалъ?

гр. волковъ.

Какъ нибудь: а этимъ словомъ, какъ
мнѣ рассказывалъ вахмистръ Бушуевъ, они
города брали. А башмаки, хотя и Эсфи-

рины, все таки не так важны, как крѣпость, — и какъ нибудь возьмемъ свое. (*Уходитъ.*)

н. поповъ.

Вотъ ужъ пачались, ничего не видя, театральныя хлопоты.

е. волковъ.

А развѣ на театрѣ свѣта ихъ меньше?

чулокъ, вбѣгал.

Ну, вотъ бѣда, хоть небольшая:
Весь день я пыпче занять былъ,
Всѣмъ бороды приготовляя,
А о себѣ и позабылъ.
И такъ моей умилной рожд
Ни крошечной бородки втъ;
Позвольте быть мнѣ помоложе,
Вѣдь всѣ наперсники безъ лѣтъ.

е. волковъ.

Будь молодъ или старъ, только знай свою роль.

чулокъ.

Постараюсь — (*Уходитъ.*) если могу.

е. полковъ.

Кажется, это дѣло обойдется.

груша, выбѣгая со слязани.

Ахъ, эти дѣвушки стѣнны!
Хотя швен въ дому большомъ,
А сшили мнѣ бочка кривые
И спивку сдѣлали съ горбомъ.

е. волковъ.

Чтожъ дѣлать, милая Грушишка, теперь перешивать некогда и некому, — такъ и хлопотать нечего о пустомъ, и это бездѣлица.

груша.

Бездѣлица для васъ, конечно,
Но я о дѣлѣ хлопочу;
Въ кривыхъ бочкахъ не выйду вчно,
И быть горбатой не хочу.

е. полковъ.

Да кто тебя просить выходить съ кривыми бочками: и гораздо лучше ихъ совсѣмъ не надѣвать; ты, право, и безъ нихъ очень хороша.

груша.

Ну, пусть безъ бочковъ можно обойдтись: но ужъ горбатой-то быть я никакъ не соглашусь.

е. полковъ.

Да можно, кажется, какъ нибудь ушить.

груша.

Да, если бы я была портниха; а то я никогда платья такого не шивала.

е. волковъ.

Да вѣдь ты сама на себя шила что-нибудь?

груша.

Шить-то я шила, да кронтъ не умью.

е. волковъ.

Ну, да какъ нибудь.

груша.

А, какъ-нибудь-то я еще и больше испорчу... Боже мой! (*Плачетъ.*)

а. поповъ.

Надъ ней не дѣйствуетъ какъ нибудь; такъ постой же... (*Кричитъ.*) Идуть! идуть!

груша.

Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ужъ я сама полумаяю. (*Уходитъ.*)

а. поповъ.

Думай: бѣда умъ родить!

е. полковъ, А. Попову.

Въ самомъ дѣлѣ идуть?

а. поповъ.

Итъ: я хотѣлъ только васъ избавить отъ женскихъ доукъ.

м. поповъ.

Эхъ, зачѣмъ ты обманываешь? Говорятъ, что это дурная примѣта.

е. полковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ чего ты вздумалъ обманывать?

м. поповъ.

Развѣ вы вѣрите?

е. полковъ.

Обыкновенно, итъ; но я теперь такъ разстроены, что все можетъ меня встревожить, и всему готовъ вѣрить.

=

ЯВЛЕНИЕ VII.

тѣ же, папа соколовъ, и потомъ ползункивъ, маршалъ, голова, гости, юганъ крафъ и проч., мастера фабрики.

е. волковъ.

А! Валя Соколовъ, кого ты ищешь?

соколовъ.

Васъ, Федоръ Григорьевичъ. Марѳа Романовна послала меня вамъ сказать, что гости отпили чай и ужъ идутъ сюда, то все ли у васъ готово?

е. волковъ, А. Попову.

Готово ли у тебя?

А. поповъ.

Готово.

е. волковъ.

А тамъ?

А. поповъ, сквозь крышку кричать.

Эй! Все ли у васъ готово?

гр. волковъ, отвѣчаетъ изъ сарая.

Почти все.

е. волковъ.

Почти!... Съ этимъ почти, тотчасъ въ дураки попадешь. Бѣги, Миша, туда, поторопи ихъ: тамъ не зачѣмъ останавливаться, я самъ все разставилъ, все приготовилъ къ началу... Ну, да если что-нибудь остановитъ, то ты хоть и услышишь, что я хлопну въ ладоши, не отпирай, куда все не будетъ въ порядкѣ, а какъ все устроишь, то стукни раза три въ двери. Бѣги же, да ради Бога, осмотри хорошенько.

м. поповъ.

Осмотрю. (*Уходитъ въ сарай.*)

е. волковъ.

А кто изъ гостей идетъ сюда?

соколовъ.

Нашъ голова, его жена и братья, матушка Ивана Афанасьевича, то есть моя тетюшка, два вѣмецкіе мастера съ фабрики, да еще челоуѣкъ пѣсколько изъ самой ближней родни.

е. волковъ.

Тѣмъ лучше; я вѣсьмъ нашимъ мастеровымъ вельѣ приѣти въ театръ, чтобъ не такъ пусто было.

соколовъ.

Федоръ Григорьевичъ!

е. волковъ.

Что?

соколовъ.

Позвольте и мнѣ быть въ театрѣ!

е. волковъ.

Кто тебѣ запретасть?

соколовъ.

Да мнѣ не хочется тутъ быть, гдѣ глядять, а тамъ, гдѣ представляютъ.

е. волковъ.

Какъ! И ты хочешь въ актеры?

соколовъ.

Смертная охота! Я давеча забѣжалъ туда къ дялюшкѣ Ивану Афанасьевичу, и онъ мнѣ показалъ маленькое платьѣ; позвольте мнѣ его надѣть, да за дялюшкой хотя хвостикъ понести; оно, знаете, для меня кураживъ, какъ пойду съ большими.

е. волковъ.

Хорошо. (*Цалуетъ его въ лобъ.*) Въ тебѣ, малютка, путь будетъ.

соколовъ.

И бабушка мнѣ то же говоритъ... Ахъ! Да вотъ уже идутъ... Такъ позвольте?

е. волковъ.

Изволь. (*Соколовъ уходитъ.*) Боже мой! Какая слабость. Я не въ силахъ собраться съ духомъ!.. Не стыдно ли, Федоръ Волковъ! Ты хочешь быть большимъ актеромъ, а не можешь... Пѣть, могу... (*Прижимаетъ веселый видъ и идетъ на встрѣчу Полушкину.*) Я исполнилъ вашу волю, счета поѣрилъ и привелъ въ порядокъ.

полушкинъ.

И, братъ, зачѣмъ такъ торопился? Вѣдь пынче у насъ хлопотъ и безъ счетовъ много было.

е. волковъ.

Я не люблю откладывать дѣла.

полушкинъ.

И умно: жена мнѣ сказала, что отдала тебѣ ключъ отъ сарая...

е. волковъ.

Вотъ онъ. (*Показываетъ ключъ.*) И я все устроилъ, чтобъ показать лицомъ нашъ товаръ.

полушкинъ.

Спасибо. Вотъ, сватушка, каковъ мой пасынокъ, а твой племянничекъ: я еще никогда не паходилъ его не въ исправности.

голова.

За то все наше общество его уважаетъ: да точно ли все у васъ приготовлено, чтобъ какъ надо показать вашъ товаръ нашимъ купцамъ?

Ф. ВОЛКОВЪ.

Кажется, все... (Стучатъ въ сараѣ три
раза.) Все, точно все; — прошу пожало-
вать. (Подходитъ къ сараю и хлопаетъ
въ ладоши.)

МАРФА, ГОЛОВЪ.

Сердце такъ и хочеть выскочить.

ПОЛУШКИНЪ.

Пойдемте, Корнило Борисовичъ, полю-
буйтеся...

ГОЛОВА.

Надѣюсь, что полюбуюсь.

(Двери въ сараѣ отворяются: тамъ видно боль-
шое освѣщеніе. Ф. Волковъ входитъ въ дверь и
ожидаетъ вочина.)

ПОЛУШКИНЪ, быстро отступая
назадъ.

Что это такое?

ГОЛОВА.

Не знаю что; только что-то очень светло
и замашично.

ПОЛУШКИНЪ.

Жена!

МАРФА.

Что, батюшка?

ПОЛУШКИНЪ.

Ты мнѣ этого не сказывала.

МАРФА.

Виновата, батюшка Иванъ Трофимовичъ:
утаила отъ тебя, что дѣти готовили эту по-
тѣху для моего сердечнаго друга, для моего
благодѣтеля.

ПОЛУШКИНЪ.

Эхъ, Марфа Ромаиовна!

Эхъ, плохо, если передъ мужемъ
Жена начнетъ лисой лисить.

ГОЛОВА.

А мы, такъ, свать, объ этомъ тужимъ,
Чтобъ битымъ отъ жены не быть.

МАРФА, плача.

Охъ, сынъ, ты ввелъ старуху въ слово,
Да и еще же въ день какой?

ГОЛОВА.

Да что жъ тутъ, сватушка, дурнаго?
Въ чемъ недоволенъ ты женой?
У знатныхъ баръ, гдѣ я бываю,
Мужьямъ, любви супружной въ знакъ,
Готовлять... какъ бишь... забываю...

Ф. ПОЛКОВЪ:

Сюриризы?

ГОЛОВА.

Да, сюриризы... такъ...

ПОЛУШКИНЪ.

Да это, свать, и намъ пзвѣстно;
Я съ барами хлѣбъ-соль вожу.
Да то, что ихъ бодрству вмѣстно,
Я намъ невмѣстнымъ нахожу.

ГОЛОВА.

Ты фабрикантъ первостатейный,
Твой славець за-моремъ товаръ:
За что жъ потѣхою затѣной
Тебѣ не удивить бодръ?
Какъ свой театръ ты мнѣ покажешь,
То истѣхъ съ ума сведешь какъ разъ.
Войди жъ.

ПОЛУШКИНЪ.

Войду, когда прикажешь,
Но въ первый и послѣдній разъ.

ХОРЪ.

И мы войдемъ, когда прикажешь,
Но вѣрно не въ послѣдній разъ.

(Всѣ входятъ. Музыка раздается въ сараѣ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляеть внутренность сарая; внутри сдѣлана сцена, какъ бываетъ въ комнатахъ; передъ нею оркестръ и два ряда стульевъ, на которыхъ сидятъ почетные гости; по обѣимъ сторонамъ скамейки, на которыхъ сидятъ мастеровые, посадскіе, нищіе, ихъ жены и дѣти. До поднятія занавѣса слышна на сценѣ музыка и окончаніе хора изъ Эсфиря, послѣ которыхъ раздается аплодисментъ и крики: «Славно, браво, ура!» и занавѣсъ подымается.

ЯВЛЕНІЕ I.

полушкипъ, марфа, голова, гости, мастеровые, мастера и прочіе вошедшіе въ театръ; нѣсколько времени по открытіи сцены все еще сидятъ и аплодируютъ.

голова, встаетъ и всѣ за нимъ.

Ну, Иванъ Трофимовичъ, спасибо, спасибо до земли. *(Кланяется объ ручку и всѣ кланяются.)*

хоръ.

Благодаримъ тебя сердечно:
У насъ объ этихъ чудесахъ
Никто не слыхивалъ, конечно;
Мы точно были въ небесахъ.

полушкипъ, кланяясь.

Благодарствуй, Федоръ Григорьевичъ, *(Бросается обнимать его.)* Благодарствуй, голубчикъ нашъ!

марфа.

Благодарствуй, сынь, что ты старуху, мать свою, не оставилъ въ словѣ; — мнѣ было первый разъ въ жизни чуть не досталось.

полушкипъ.

И, полно! Кто старое помянетъ, тому...

голова.

Да, Иванъ Трофимовичъ: это вспомнить намъ хоть черезъ шестьдесятъ лѣтъ нынѣшній нашъ праздникъ, тому, кажется, можно сказать спасибо; не такъ ли?.. Благодарствуй, Федоръ Григорьевичъ: ты, что называется, упиталъ и натѣшил душеньку. Какъ обрадуется нашъ добрый воевода, когда я ему скажу, что ужъ у насъ въ Ярославль есть театръ, какъ въ Шмемчинѣ.

юганъ крафъ.

Позволить сказать, мой сударь, Иванъ Трофимовичъ, и вы г. бургомейстеръ, я самъ родился въ Шмемцкой землѣ, былъ въ Гам-

бургъ, въ Любекъ, а лучше не видалъ театръ, какъ пьесъ Русской игралъ.

полушкипъ.

А облака-то ходили точно заправскіа.

юганъ крафъ.

О! настояще запраски... Ахъ, мениъ герръ Федоръ Григорьевичъ, вы велика актеръ.

всѣ.

Великій актеръ!

марфа.

Какъ, неужли и въ Шмемцин не лучше этого представляютъ?

крафъ.

О! ей Богъ, не лучше: и эта такъ вѣрно, какъ я Юганъ Крестьянъ Крафъ, перва мастеръ на ваша фабрикъ.

марфа.

Слышишь ли, батюшка Иванъ Трофимовичъ?

полушкипъ.

Слышу, матушка Марфа Романовна и всѣмъ сердцемъ радуюсь.

марфа.

А па радости не худо бы поднести гостямъ по чаркѣ раманеечки... Эй! поднесите!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

тѣ же и всѣ актеры, кромѣ дмитревскаго и группъ.

голова.

А вотъ и всѣ наши актеры... *(Аплодируетъ.)* Славно, ребята!

марфа, обнимая дѣтей.

Хорошо, дѣтушки, хорошо... *(Передастъ ихъ Полушкину, который также обни-*

маешь.) Только, Гриша, я чуть не расхохоталась, увидя тебя въ бородѣ.

чулковъ.

А я каковъ показался вамъ въ турецкой чайнѣ, которая чуть не вдвое выше самого меня.

марфа.

Я чуть удержалась отъ смѣха... Ты былъ точь-въ-точь деревянный мужичокъ, чѣмъ давить орѣхи... (Показывал, какъ давить орѣхи.) Кракъ, кракъ... (Смѣется и встаетъ за ней.)

полушкинъ.

Да чему ты такъ расхохоталась?

марфа.

Право, не знаю хорошенько и сама; только мнѣ такъ весело, что не могу удержаться отъ смѣха... Да что жъ ты, Одея, молчишь?

е. полковъ, сквозь радостныя слезы.

Ахъ, матушка! я такъ радъ, такъ счастливъ, что не въ силахъ слова вымолвить... Такъ, я надѣюсь, что съ этой минуты русскій театръ началъ существовать, — и что батюшка благословить меня предаться совершенно врожденной моей склонности и сдѣлаться постояннымъ актеромъ.

полушкинъ.

Послушай, Федоръ Григорьевичъ: я не мѣшаю тебѣ забавляться по твоей склонности и радъ самъ помогать тебѣ: но оставь торговлю и сдѣлаться, какъ говоритъ кумъ Михѣичъ, какимъ то фигляркомъ, — это другое дѣло.

е. полковъ.

Ахъ! Въ состоянн ли понимать и чувствовать Михѣичъ и всѣ Михѣичи въ свѣтѣ благородство этого славзаго искусства? Не достоинъ ли тотъ общаго уваженія и любви, кто своимъ лицомъ, своимъ голосомъ, своею душою, представляетъ живо очамъ зрителей величайшихъ людей въ свѣтѣ, и одушевленный гениемъ поэта, проникаетъ въ сердца, воспаляетъ души, просвѣщаетъ разсудокъ и увлекаетъ воображеніе въ чудесное царство поэзін? Чтобъ быть истиннымъ актеромъ, надобно имѣть душу, способность возвышаться до тѣхъ героевъ, которыхъ онъ собой оживляетъ; сердце, могущее

ощущать всѣ сильнѣйшія идеи великихъ стихотворцевъ... И какой нибудь съ приписью подличій осмѣливается называть фигляркомъ — кого? — Актера! Вы, батюшка, читали Римскую и Древнюю Роллеву Исторію: я вамъ могу показать въ ней примѣры...

полушкинъ.

Очень можешь.

е. полковъ.

Въ древности Эсхилъ и Софокль, военачальники Аѳинскіе, не поставляли себѣ въ безчестіе представлять на театрѣ собственные свои комедіи. Вы знаете, кто были Силла и Цицеронъ...

полушкинъ.

Какъ же не знать!

е. полковъ.

Такъ, Роспіусъ, Римскій актеръ, былъ другомъ диктатора Силлы, говорилъ ему истинны, которыя никто не смѣлъ сказать — и Цицеронъ называлъ его честнѣйшимъ человекомъ въ Римѣ. Вы слышали отъ меня о Шекспирѣ и Мольерѣ?...

полушкинъ.

Да, слыхалъ, и знаю изъ словъ твоихъ, что они почитаются умнѣйшими людьми и великими стихотворцами, — и что Англичане и Французы ими хвалятся.

е. полковъ.

Такъ знайте же, что они оба были актеры, и что Королева Елисавета и Людовикъ XIV, величайшіе государи своего времени, восхищались ихъ твореніями и наслаждались ихъ бесѣдою; и что Французская Академія, думавшая во время Мольерова, какъ вашъ Михѣичъ, устыдилась своего постыднаго предубѣжденія, и выставила въ своей залѣ портретъ великаго Мольера, съ надписью: «Ничего не доставало для его славы; по его не достаеъ для нашей!» Гаррикъ и Лекенъ, еще существуютъ. Англія и Франція гордятся ихъ славой; почему же Волковъ, Дмитревскій, Поновъ и всѣ мы, чувствуя сильно все достоинство нашего искусства, не можемъ восхитить нашихъ соотчичей, не можемъ заставить ихъ произнести съ удовольствіемъ имена наши?

полужкивъ.

Да кто же говоритъ, что вы не можете?

е. волковъ.

Вы, батюшка.

полужкивъ.

Какъ? Когда?

е. полковъ.

Сейчасъ, повторяя слова ничтожнаго подъячаго; вы уничтожили наше искусство, вы оскорбили наши души и, не позволяя мнѣ предаться моему пламенному желанію, вы превращаете меня самого въ ничто.

полужкивъ.

Какъ въ ничто?

е. полковъ.

Такъ, батюшка. Вы мнѣ замѣнили отца, вы были моимъ благодѣтелемъ, вы не жалѣли ничего для моего просвѣщенія; я вамъ обязанъ всѣмъ, — и никогда не выступлю изъ воли вашей: но если вы мнѣ не позволите быть тѣмъ, для чего я чувствую себя рожденнымъ, къ чему давно устремлены всѣ мои мысли, къ чему прильплась душа моя, — то я ужъ ничѣмъ не могу быть. Рѣшите мою судьбу: слово ваше мнѣ законъ.

марѳа, сквозь слезы, Полушквну.

Что, батюшка?

полушкивъ, растроганъ.

Федоръ!... Федоръ!... Я не лишу тебя твоего счастья. Будь актеромъ, если это тебѣ по роду написано. *(Обнимаетъ его.)*

голова.

И тѣмъ ты прославишь свою родину.

Мы все помочь тебѣ готовы,
Театръ ты русскій возноси;
И славить пусть усилъи новы
Нашъ Ярославъ по всей Руси.

Пока въ Россіи люди будутъ
И будетъ край нашъ просвѣщенъ,
Того, конечно, не забудутъ,
Что Русскій здѣсь театръ рожденъ.

е. волковъ.

Я не знаю, какъ васъ благодарить; но смѣю надѣяться, что вся Россія будетъ вамъ благодарна за свой театръ.

марѳа, въ восторгъ.

Да, Федя, да, Федя, да, Федя!... И онъ мой сынъ!

голова, обнимая Ф. Волкова.

Ты позволишь завтра привести сюда нашего добраго воеводу Мусина-Пушкина и его высокородіе Майкова?

полужкивъ.

Позволимъ, позволимъ!... Да куда же спрятался Ваня Дмитревскій?... Ну, Федоръ Григорьевичъ: врядъ ли онъ чѣмъ тебѣ уступитъ. Я его сперва не узналъ въ женскомъ платьѣ. Что за сокровище! Каждое его слово отдавалось въ сердце!

И этотъ малой, я ручаюсь,
Ужъ вѣрно далеко пойдеть.

чулокъ.

А я такъ объ закладъ ударюсь,
Что насъ онъ за поясъ заткнетъ.

е. полковъ.

Да, въ немъ вспомя паша Волга
Актера съ прочими не въ счетъ.

всѣ актеры.

Дмитревскій славою на долго
Себя и насъ переживетъ.

марѳа

Кромъ, однако жъ, моего Федора Григорьевича.

всѣ.

Кромъ!

марѳа.

Да что жъ Вани, моего голубчика, не вилать?

е. волковъ.

Вы его тотчасъ увидите; онъ будетъ играть въ пасторали, которую я перевелъ съ нѣмецкаго.

кратъ.

Съ нѣмецкаго!... Благодарствуй, меншъ герръ Федоръ Григорьевичъ.

е. волковъ.

Право не за что... Угодно ли съестъ послужать, какъ они съ Грушенькой будутъ пить?

марѳа.

Сядемте поскорѣй, пока не возвратился изъ дальняго похода кумъ Михѣичъ; а то онъ, пожалуй, все испортитъ.

е. волковъ.

Да, опъ человѣкъ неугомонный. — Играй увертюру. — Прошу садиться!

(Всѣ усаживаются, во время увертюры, самой короткой, послѣ которой занавѣсъ поднимается.)

=

ПАСТОРАЛЬ.

Театръ представляеть рощу, наполненную цвѣтами; скамейка на правой сторонѣ.

ЯВЛЕНИЕ I.

БЕРА, сидитъ съ подругами и влжетъ вѣнокъ.

БЕРА.

Не слышу я свирѣли болъ.
Ахъ, милая свирѣль, играй!
Тебя мнѣ слушать такъ пріятно,
Ты говоришь душѣ моей.
И отъ чего же, не попятно,
Евмонъ всѣхъ въ свѣтѣ мнѣ милѣй?

(Въ это время входитъ Евмонъ и слушаетъ, а по окончаніи аплодируетъ.)

=

ЯВЛЕНИЕ II.

ЕВМОНЪ и БЕРА.

ЕВМОНЪ.

Что слышу? Нѣтъ, не можетъ статься!...

БЕРА.

Ахъ! Это ты?

ЕВМОНЪ.

Да, это я.

БЕРА.

Какъ тихо ты умѣлъ подкрасться.

ЕВМОНЪ.

Ахъ, не сердися на меня!

БЕРА.

Да я нимало не сержуся.

ЕВМОНЪ.

Ни мало?

БЕРА.

Да.

ЕВМОНЪ.

Но я всего

Съ утра вчерашнего боюся.

БЕРА.

Боишься?

ЕВМОНЪ.

Да.

БЕРА.

Но отчего?

Вчера я точно убѣжала,
Сама не знаю отчего.

ЕВМОНЪ.

И вѣрно ты совсѣмъ не знала,
Что я страдаю оттого.

БЕРА.

Страдаешь ты?... Ахъ!

(Закрываетъ лицо покрываломъ и бросается на скамейку.)

=

ЯВЛЕНИЕ III.

тѣ же и МИХѢИЧЪ, въ полъяна.

е. волковъ.

Что ты дѣлаешь? Этого нѣтъ въ піесѣ.

чулковъ, показывая Михѣича,
который входитъ.

Да вотъ что въ партерѣ.

б. волковъ.

Ахъ!

михѣичъ.

Куда это я ввалился?

МАРА.

Что тамъ сбѣлалось?

чулковъ.

Оадлей Михѣичъ.

нсъ, вставая.

Оадлей Михѣичъ!

михѣичъ.

Именно я!

чулковъ, подбѣжавъ къ сценѣ.

Валя! Не робѣй, продолжай, какъ знаешь...
Вотъ я вбѣгу... (Вбѣгаетъ на сцену.)

михѣичъ.

Э! ге, ге! Или мнѣ чудится, или это театр?

голова.

Да, театръ.

михѣичъ.

Какъ, Корпило Борисовичъ, и вы здѣсь изволите засѣать?

ГОЛОВА.

Засѣдаю, и прошу тебя садиться и не мѣшать.

МИХАИЧЪ.

Да вѣдь это театр?

ГОЛОВА.

Ну, театр; такъ что жъ?

МИХАИЧЪ.

А только то, что театр; а вы въ немъ велите мнѣ садиться!

ГОЛОВА.

Да гдѣ мы сидимъ, тамъ и не тебѣ сидѣть можно.

МИХАИЧЪ.

Но не должно.

ГОЛОВА.

Должно, когда просить такіе почтенные хозяева.

МИХАИЧЪ.

Да они не просятъ.

МАРГА.

Просимъ.— (*Въ сторону.*) Нечего дѣлать!

ГОЛОВА.

Слышишь, просятъ; такъ садись и не мѣшай, или я самъ помѣшаю...

МИХАИЧЪ.

Не мѣшаю, не мѣшаю... и сажусь... Извольте продолжать вашу чер... вашу забаву... вотъ стулъ... (*Беретъ стулъ и ставитъ его задомъ къ театру и сидитъ лицомъ къ зрителямъ.*)

ПОЛУШКИНЪ.

Что это? Какъ ты сѣлъ?

МИХАИЧЪ.

Какъ бы я ни сѣлъ, но исполнилъ вашу волю, и сижу, да только не гляжу.— (*Подвигается къ самому суффлёру и зажимаетъ уши.*)

ГОЛОВА.

Не гляди, — тѣмъ лучше.

МАРГА, Ваня и Груша.

Вотъ какъ, онъ сидитъ и не глядитъ... Прошу опять садиться; а вы продолжайте, какъ будто его здѣсь нѣтъ.

(Всѣ усаживаются.)

ЧУЛКОВЪ, выглядывая изъ кулисы, Груша.

Онъ зажалъ уши, отворотилъ лице — такъ тебѣ не увидитъ и не услышитъ.

ГРУША.

У меня отъ страха голосъ пропалъ.

Е. ВОЛКОВЪ.

Да продолжайте.

ЧУЛКОВЪ, Ваня.

Пой хоть ты.

ДИМИТРЕВСКІЙ.

Да не мнѣ.

ЧУЛКОВЪ.

Все равно, — пой, что хочешь.

ГОЛОВА.

Ну, вотъ мы всѣ усеялись и готовы слушать.

Е. ВОЛКОВЪ.

Оркестръ, играй!

(Оркестръ играетъ.)

ДИМИТРЕВСКІЙ, поетъ отъ себя.

Ахъ! встань и больше не страшися,
Спокойна будь, мой милый другъ!

ГРУША.

Да если онъ меня узнаетъ?

ДИМИТРЕВСКІЙ.

Нѣтъ, не узнаетъ, я клянусь.

ЧУЛКОВЪ, за кулисы.

Ну, голосъ нашелся, — продолжай!

МИХАИЧЪ.

Не вижу и не слышу ничего.

ГРУША.

Да гдѣ я кончила, не помню,
И въ тонъ никакъ не попаду.

ДИМИТРЕВСКІЙ.

Такъ мы начнемъ не много выше.

Прошу сначала мой куплетъ.

(Называетъ музыканта.)

МИХАИЧЪ.

Они такъ жужжатъ, какъ комары... замолчали... семь взгляну... Да нѣтъ, боюсь грѣха.

ЕВМОНЪ.

Я въ сердцѣ чувствую томленье,
Совсѣмъ лишаюся ума...

Въ душѣ всегдашнее волненье...

БЕРА.

Я то же чувствую сама.

МИХЭВИЧЪ.

Ей, ей, кажется, тамъ поють... Не даромъ
меня дремота забираетъ.

ЕВМОНЪ.

Какая радость, восхищенье!
Какой восторгъ въ душѣ моей!
Въ сіе блаженное мгновенье
Я всѣхъ счастливыхъ людей.

(Упадаетъ на колѣни.)

(Голова и прочіе хлопаютъ, — большой аплодис-
ментъ.)

БЕРА.

Ахъ, встань, Евмонъ! Ахъ, какъ я рада!
И такъ тобой любима я.
Вотъ за любовь твою награда
И сердце и рука моя..

ЕВМОНЪ.

Ахъ, счастливы мы будемъ вечно:
Родные насъ соединять.

МИХЭВИЧЪ.

Нѣтъ, не соединять!... Вздоръ... Пустое...
Чтобъ я согласился?... Нѣтъ! Лучше умру...
Я не согласенъ, не согласенъ, не согласенъ —
и не выдаю моей питомицы за этого парумя-
ненного сорванца. Прошу всѣхъ прислушать:
я ея опекунъ; я надъ нею одинъ властепъ.

ГОЛОВА, вставая.

Прошу не мѣшать имъ.

МИХЭВИЧЪ.

Какъ не мѣшать имъ? — Да въ умъ ли
вы, Корнило Борисовичъ!

ГОЛОВА.

Ты самъ выпился изъ ума, когда не пони-
маешь...

МИХЭВИЧЪ.

Я понимаю, что понимаю... (*Грушь, ко-
торая на театрѣ стоитъ, какъ въ остол-
бенный.*) А ты, моя красавица, пожалуй-ка
сюда... Нейдетъ!... Такъ самъ войду... (*Хо-
четъ лѣзть на театрѣ.*)

МАРГА и прочіе, удерживая его.

Постой! Постой!

МИХЭВИЧЪ.

Пустите!

МАРГА.

Куда?

МИХЭВИЧЪ.

Туда.

ГОЛОВА.

Нѣтъ, не пускаемъ.

Ф. ВОЛКОВЪ.

А я прошу пустить на сцену Фалдса Ми-
хэвича; онъ на ней будетъ безцѣпенъ.

МИХЭВИЧЪ.

Что ты тутъ городишь? — На какую цѣну?
Гдѣ я буду безцѣпенъ?... Или ты пьянъ, или
съ ума сошелъ.

Ф. ВОЛКОВЪ.

Совсѣмъ напротивъ: не пьянъ, и говорю съ
умомъ, что вы должны быть безподобны на
театрѣ: войдите только на него, то ужъ мы
васъ съ него не спустимъ, и сдѣлаемъ слав-
нымъ актеромъ.

МИХЭВИЧЪ.

Какъ? Что такое? Да онъ никакъ меня
вербуетъ въ актеры.

Ф. ВОЛКОВЪ.

Да.

МИХЭВИЧЪ.

Въ какую силу и по какому резонту?

ЧУЛКОВЪ.

На то въ сей свѣтъ явились вы,
Чтобъ воскресить у насъ Мольера;
Все въ васъ отъ ногъ до головы
Комическаго характера.
Что за глаза, что за огонь!
Ахъ, какъ лицо у васъ пргаетъ!
И вашу душу искрой тропь,
То въ мигъ какъ Этна запыляетъ.

МИХЭВИЧЪ.

Какого чорта напѣваетъ мнѣ этотъ баян-
драсъ?...

Ф. ВОЛКОВЪ.

Правду: что вы точно родились большимъ
актеромъ, — въ этомъ все съ нимъ согласится.

МИХЭВИЧЪ.

Нѣтъ, я не актеръ, не актеръ, не актеръ!
Пустите меня, или подайте мнѣ эту актрису,
что тамъ изволить стоять, — я съ нею пере-
вѣдаюсь.

МАРГА.

Нѣтъ, этому не бывать; она моя крестная
дочь.

МИХЭВИЧЪ.

Какъ не бывать? Нѣтъ, будетъ; я ей крест-
ный отецъ!

МАРЕЛ.

Не будетъ!

МИХѢИЧЪ.

Анъ будетъ!

МАРЕЛ.

Не будетъ!

МИХѢИЧЪ.

Анъ будетъ!

ПОЛУШКИНЪ.

А что будетъ?

МИХѢИЧЪ.

Какъ, что будетъ? Ну, будетъ... то, что вы увидите.

ПОЛУШКИНЪ.

А мы увидимъ, что она будетъ красюю нашего театра. Подите сюда, Ваня, Груша! Не бойтесь, кумъ человекъ добрый.

(Дмитревскій и Груша сходятъ.)

ГОЛОВА.

И сговорчивый: онъ не захочетъ лишить удовольствія насъ и добраго нашего воеводу, который будетъ завтра сюда любоваться театромъ нашего почтеннѣйшаго сватушки Ивана Трофимовича.

ПОЛУШКИНЪ.

Милости просимъ: нашъ театръ къ услугамъ его высокородія.

МИХѢИЧЪ.

Вашъ театръ!... Э! ге! ге!... Какъ, кумъ! Ты ли это говоришь, я ли это слышу?... Вотъ что и оно: такъ ты самъ пустился въ эту чертовщину?

ПОЛУШКИНЪ.

Не въ чертовщину, а въ хорошее дѣло; и прошу тебя, чтобъ ты отпустилъ Грушу въ домъ къ ея крестной матери и позволилъ ей представлять для воеводы и всѣхъ честныхъ людей на нашемъ театрѣ.

МИХѢИЧЪ.

Чтобъ я пустилъ, чтобъ я согласился загубить ни за-что ни про-что дѣвку!

ГРУША.

Нѣтъ, батюшка крестный, я, право, не загибну.

ДИМИТРЕВСКІЙ.

Я вамъ за то ручаюсь, и прошу отпустить ее.

ГОЛОВА.

Мы всѣ тебя, Феддей Михѣичъ, униженно просимъ, и самъ воевода будетъ просить.

ВСѢ.

Мы всѣ покорно просимъ.

МИХѢИЧЪ.

Да знаете ли вы, что она мнѣ поручена покойной своячипой? Да знаете ли вы, чего мнѣ стоило ее вскормить, воспитать?

МАРЕЛ.

Я знаю, что она тебѣ въ опеку досталась взрослой дѣвушкой, что мать ее оставила кое-что...

МИХѢИЧЪ.

Оставила стрель-брель да хлопоты: а я потратилъ на нее притоманныхъ своихъ акциденцій, что и счету пѣсть.

ПОЛУШКИНЪ.

Ну, кумъ, пойдемъ же мы на сдѣлки: Тебѣ я твой расходъ плачу.

МИХѢИЧЪ.

Да развѣ о такой бездѣлкѣ Я, кумъ любезный, хлопочу? Конечно, много было траты На все; ужъ я не говорю, Что грамотъ училъ безъ платы...

ГРУША.

Я васъ за то благодарю.

МИХѢИЧЪ.

Да, прибылъ въ этомъ мнѣ большая! Что благодарность принесетъ? Она матерія сухая: Сухая жъ ложка ротъ дереть.

ПОЛУШКИНЪ.

Ну, кумъ, безъ дальней проволоочки, Оставь ты Грушу у кумы.

МИХѢИЧЪ.

До завтра я прошу отсрочки.

ВСѢ.

Нѣтъ, выши завтра знасмъ мы!

ГОЛОВА.

За свата вѣзмъ я отвѣчаю. Ну, что же: бейте по рукамъ!

МИХѢИЧЪ, взявъ за руку Грушу.

Какъ быть: я Грушу уступаю, Но кумушекъ моей, не вамъ.

МАРЕЛ, принимая Грушу.

Ну, кумъ любезный, благодарствуй!

ГРУША.

Ахъ, какъ я рада всей душой!

(Обнимаетъ Марю и Михѣича.)

ГР. ВОЛКОВЪ.

Ну, милая актриса, здравствуй,
И всѣхъ заворожай игрой!

МИХЪИЧЪ.

Изволите ли видѣть, что хотя я и съ приписью подъячій, однако жъ, какъ сказали благодотворители, человекъ добрый и сговорчивый. (*Полушкину.*) Завтра поутру я доставлю вамъ счетецъ. (*Голова.*) Я надѣюсь, что вы доложите его высокоородію, какъ я благородно поступилъ?

ГОЛОВА.

Не премину.

МАРФА.

Ну, слава Богу, это дѣло кончено.

ДИМИТРЕВСКІЙ, вздыхая.

А когда-то кончится другое?

МАРФА.

А! понимаю: когда вы будете людьми, а не дѣтьми.

ДИМИТРЕВСКІЙ, поглядывая на Грушу.

Такъ стало, мы можемъ надѣяться?...

ГРУША.

Кажется, можемъ.

ЧУЛКОВЪ.

Надѣйтесь: оно все-таки лучше — и кто живеть безъ надежды?...

Надежда, суцая русалка,
Отвсюду всѣхъ къ себѣ манить;
На мигъ ее оставить жалко;
Она людскихъ сердецъ магнитъ.
У всякаго свои надежды:
У автора бессмертнымъ быть;
Въ свой рлдъ надѣются певжды
Таланты всѣ передошнить.

А. ПОПОВЪ, къ публикѣ.

Надѣмся на берегъ Невскій
И мы театръ нашъ перенестъ:
Что Федоръ Волковъ и Дмитревскій
Прославятся — надежда есть.

ДИМИТРЕВСКІЙ.

Когда же насъ въ живыхъ не стапеть,
Надѣмся, что, можетъ быть,
Того, кто вамъ объ насъ вспомянетъ,
Не захотите вы бранить.